

Серж Ант

ВЧЕРАШНИЙ КИНОТЕАТР

Осенний ветер, мальчишка сбежал из дому и хулиганил всю ночь. Он надул городу шею, простудил центральную улицу, спецгостиницу у рынка и трамвайное депо. К утру набросал ярких листьев замысловатым рисунком и, исаугавшись ругани первых дворников, залез в темный чердак, оставив после себя коротенький дождик.

Я шёл из поликлиники в отдел кадров. В кармане у меня лежала аккуратно сложенная справка с заверениями врачей и лаборатории в моей пригодности к любому труду. Но в отделе кадров торопливая девушка-инспектор сказала, что сейчас у них обед, а мне следует придти через час и прежде пройти технику безопасности на втором этаже.

Я вышел на улицу и, не останавливаясь у доски объявлений с мокрыми заголовками: "Требуется", "Нарушители дисциплины", "План должен быть планомерным, а экономика — экономичной" отправился прогуляться, думая, что на час.

Я шел по влажным тротуарам, придавливая осенние листья. А они, каждый по-своему, ворчали, уводя меня от отдела кадров все дальше и дальше. Я заблудился. В этом районе я никогда не бывал. Городской шум куда-то исчез. Прохожих не было. Я стоял на пустынной улице и не знал, куда мне идти.

На противоположной стороне, образуя огромные лужи, протекала трамвайная линия. Я решил пройти вверх по течению и, дойдя до какого-то уж совсем грустного перекрестка, увидел, что линия кокетливо изогнулась и прижалась к пожилому, но еще интересному парку, спрятав под его деревьями остановку.

На трамвайной остановке стояла свежевыкрашенная скамейка. И вместо предостерегающей записки на проволоке болталась

дощечка с объявлением, которое гласило, что сегодня сообщение трамваями будет осуществляться с перебоями — по техническим и уважительным причинам. А внизу уже кто-то успел нацарапать обзывательство: "Паразиты!" И ещё сбоку была приписка: "Кто это прочитал, тот дурак!"

Мне сразу стало обидно, что я, как дурак, попался, и буду еще большим дураком, если стану дожидаться трамвая. А чтобы не пасть духом, решил разведать парк, тем более, что кто-то там нет-нет, да и крикнет.

В глубине парка стоял одноэтажный дом с деревянной верандой и готическими башенками на зеленой крыше. Над верандой красками было написано: "Кинотеатр "Аркадия".

Он стоял как-будто посередине пруда, за ним высилась старая, разрушающаяся, но величественная гора. Кинотеатр и гора были молчаливы, как гордые рыцари времен инквизиции. Добраться до кинотеатра можно было по двум сторбленным мостикам. Издалека они напоминали покорных и вечных слуг, не знавших бунта.

Я ступил на мостик, что казался покрепче. Он вздрогнул от неожиданности и застонал от боли в пояснице. Я поздоровался с ним. Тут из-под него выскочили утки и, размахивая подрезанными крыльями, бросились удирать к кинотеатру, а вслед за ними, с чувством собственного достоинства, неспеша прыгала громадная лягуха.

Окошко кассы было открыто. Я подошел и заглянул: прямо на меня из царства желтого света смотрели женские глаза. Они прищурились в улыбке и мягко сказали:

— Я наблюдаю за вами, как только вы появились на трамвайной остановке. Глупая приписка там на объявлении. Правда? Расстроились? Вы извините, это я пошутила. А теперь вас увидела и пожалела. Не сердитесь. Заходите в кино, скоро сеанс ... и фильм интересный.

Глаза на миг пропали и в окошке появился голубой билет. Я нащупал в кармане мелочь и протянул на ладони в окошко.

— Сколько стоит билет?

Что вы! Не надо денег. Я вас приглашаю.

Я нагнулся, чтобы сказать спасибо, и увидел старушку в коричневом платье со школьным белым воротничком. Перед ней на столе лежал план мест кинозала и игральные карты, разложенные для гадания. На "спасибо", она вежливо предложила:

— Если вам холодно, то можете пройти в зал, там потеплее. И... Идите туда.

Мизинцем она показала на стеклянные двери веранды и добавила — Только, пожалуйста, перешагните через первые две ступеньки у входа. Они прогнили и могут проломиться.

Выполняя её просьбу, я упал, потому что ступеньки были хоть и низкие, но чень широкие и скользкие. Когда я открыл дверь и вошёл, меня встретила кассирша. Она оторвала у билета контроль и улыбнулась. Затем нерешительно сказала:

— Может быть... а хотите, я вам погадаю? Времени ещё много, я и чаем угощу.

Мне стало как-то неловко, но хорошо.

— Нет, спасибо. Если можно, ... то в другой раз.

— Жаль. Искренне жаль... Да, вы извините, я опять пошутила — это насчёт ступенек. Они ничего, ещё крепкие. Вы уж извините старушку ... А в зал — вот сюда, проходите.

Я прошёл через фойе, раздвинул занавес и вступил в темное замкнутое пространство кинозала. За спиной щелкнул выключатель. Я ослеп. Когда глаза привыкли к свету, то увидел, что очутился в маленьком зале мест на сто-сто пятьдесят. Потрепанные деревянные кресла, взявшись за руки, стояли на коленях перед большим, обжигающим белизной глаза, экраном и благоговейно склонили перед ним свои поседевшие головы. Экран в резной деревянной раме, работы неизвестного старинного мастера, взобрался на кафедру и с любовью смотрел на своих учеников. По обе стороны от него на стенах висели две картины. Слева — натюрморт из невиданных фруктов, поверх которых лежал гусь с перерезанным горлом; справа — портрет какого-то ученого или музыканта, читающего письмо.

На моем билете не был указан ряд: место было первое, а ряд не известен. Поколебавшись, я решил сесть подальше от натюрморта: мне было жаль гуся.

Истроившись, я заметил, что спинки кресел были изгравированы надписями и советами на злобу дня. Подписывались, в основном, трое — Лёня, Яша и Савва, только в двух местах промелькнуло имя Юрий Петрович. Советы писали одним почерком и я грешным делом подумал, что это работа кассирши, уж больно они напоминали приписку на объявлении. Так на одной спинке кресла, после подписи — Юрий Петрович, стояло слово — "Паразит!"

Начитавшись, я повозился в кресле и незаметно для себя задремал. Сквозь дремоту я слышал, как кассирша, она же контролерша позвала к себе какого-то Ксксминьку, выключила свет в зале и тихонько прикрыла за собой входную дверь.

П.

Я проснулся от того, что меня тронули за плечо. В зале по-прежнему было темно, но я увидел — это была кассирша. Она чуть слышно сказала:

— Просыпайтесь. Они идут.

Затем пошла к выходу и включила свет. Я стал соображать: "КТО ОНИ ИДУТ"?

Через несколько минут в стали входить люди с голубыми билетами. Первыми вошла парочка влюбленных сотрудников, очевидно, из смежных отделов. На лицах у них было написано, что он женат и имеет двоих детей; она замужем и живет для себя. За ними шёл рыжий школьник без портфеля, ясно, двоечник. Потом появились ещё двое — мать и дочка. Мать в стареньком пальто выглядела неважно: лицо у нее было гораздо старше положенного. Наверно она любила закладывать "зеленого змия" за воротник, но сейчас завязала. Дочь была выше матери раза в два, и её лицо с наметившимися усиками было до подозрительности детским, если не сказать больше. Затем вошел маленький старичок с активными глазами. В одной руке он держал бутылку молока, а в другой — зонтик, которым распоряжался он, как миноискателем, прощупывая ряды и места. За старичком показались другие зрители, человек десять-пятнадцать. Они входили

один за другим, заглядывали в свои билеты, пожимали плечами и быстро заполняли середину зала, пересаживаясь по нескольку раз.

Зал стал наполняться звуками настраивающегося оркестра.

рыжий школьник сел на второй ряд и стал грызть ногти. Мать с дочкой устроились на первом ряду. Они, честно поделили между собой семечки и принялись за лакомство, сплевывая шелуху в общий кулек из сегодняшней газеты. Парочка влюбленных сотрудников сидела позади меня и оживленно посмеивалась над каким-то Гришей. Полная женщина, в большом зеленом свитере, из шестого ряда, достала шерсть и стала вязать, мелодично позвякивая спицами.

Неожиданно, кто-то сказал: "Мяу".

Это оказалась киска — Минька. Она была последним зрителем: за ней шла кассирша. И, подождав, как только киска затерялась среди наших ног, кассирша, она же контролерша, окинув заботливым взглядом зал, зрителей и экран — погасила свет.

Воздух наполнился ожиданием и вечерней тишиной. В наступившей теплой темноте я услышал, как она закрыла на ключ входную дверь и, шаркая ногами, стала подниматься по скрипучей лестнице. И этим скрипом, как мне показалось, лесенка просила о чем-то очень важном, но кассирша в ответ лишь морщилась, да отмахивалась. Потом я уже не слышал, но видел, как она подошла к огромному и выдавшему виду, с алюминиевой трубой кинопроектору; вытащила из рукава карту, ещё одну и ещё одну... Цокнула языком, перекрестилась и включила кинопроектор, который сразу же сыто и довольно затарахтел.

На экране зажглись титры. Они были не на русском языке. Но тут успокоил голос, видимо, переводчика, заговорившего на тарбарском языке с русскими суффиксами. Спустя минут десять я стал понимать, что это итальянский, в крайнем случае, румынский фильм.

Вдруг застучали в дверь с надписью "Выход", запарапали и приподняли её. Она жалобно скрипнула и со стоном, как бесхарактерная девица, поддалась. Фильм и темнота зала раскололись пополам. По туннелю из дневного света, крадучись, гуськом, в зал пробрались трое молодых ребят. Они прикрыли за собой выходную дверь и, поддерживая друг-друга, добрались до последнего ряда.

Все напряженно ждали, когда они усядутся, но, неожиданно, голос подал старичок, который был с зонтико-миноискателем:

— Зачем же, товарищи, на меня садиться! Места что-ли мало?!

Он встал и пересел поближе к экрану, громко прибавив:

— Паразиты!

После этого мяукнула Минька и по её сигналу мужчина в черной широкополой шляпе, из пятого ряда пересел в седьмой. Я решил, что теперь-то пришли все и обратился к экрану.

На экране, какой-то старикашка, похожий на бухгалтера, в странных ботинках, показывал достопримечательности церкви, а тем временем приходили музыканты, здоровались с нами и рассказывались кто куда без какой-либо закономерности. Переводчик, стараясь быть понятным, перешел на югославский. Я понял, что это детектив, потому что все музыканты отвечали на вопросы полиции, причем, с улыбочкой, как это принято на диком Западе, еще я понял, что кого-то убили и, наверное, ещё будут убивать.

Опять мяукнула киска, и мужчина в черной шляпе по её сигналу пересел и загородил мне левую часть экрана, где как раз допрашивали красивую пианисточку. Я пересел правее и стал прислушиваться к югославскому. Но помешала дочка из первого ряда: она, перебивая переводчика, спросила взрослым басом у всего зала:

— А это у неё свои зубы?

Ответ пришел от обиженного старичка:

— Ну не твои же!

Первым прыснул со смеху рыжий двоечник, а за ним все остальные, кроме: дочки, матери и кого-то из центра — последний издал протяжный грудной стон.

Затем на экране один солидный с виду музыкант сделал неприличный иностранный, не принятый у нас, жест в сторону полицейских. Все опять засмеялись, кроме дочки, матери и меня, так как теперь я решил застонать. Больше всего мой бархатный стон понравился ребятам из последнего ряда, и они всячески стали мне подражать. После чего по залу пошел легкий аромат "Крымского портвейна" и печенья "Шахматы". В зале создалась семейная обстановка.

Оркестр на экране тоже сплотился в семью и заиграл строй-

ную, но буйную музыку. Музыка эта, возможно, понравилась переводчику, потому что он, наконец, замолчал. Но это продолжалось не долго. Из центра зала кто-то возмутился:

— Гражданочка, куда же вы все время тянете мой шарф?

В ответ у рыжего школьника что-то громко треснуло, а на последнем ряду, как из крана, полилась жидкость, вытесняя уже привычный аромат "Крымского" запахом "Агдама". У рыжего двоечника опять что-то треснуло. Я стал за ним наблюдать: он достал из кармана кривой предмет, зажал его между спинкой и сиденьем и, высоко подпрыгнув, грохнулся в кресло. В зале раздался оглушительный треск. Затем он пошарил рукой по полу и, чавкая, стал есть. Через минуту всё повторилось.

Я решительно, но без зависти крикнул:

— Эй, прогульщик, прекрати жрать орехи!

Сотрудница, что пришла с возлюбленным из смежного отдела, в отчаянии попросила:

— Не кричите, ради бога!

За это время мужчина в черной шляпе в очередной раз, правда, без кошачьего сигнала, пересел и загородил левую часть экрана. Пересаживаться мне, после отчаянной просьбы влюбленной сотрудницы, было неловко, и я попросил мужчину и шляпу пересесть еще разок. Но они, не поворачивая головы, разом выпалили:

— Еще чего! И не подумаем!

Тут мяукнула Минька и, воспользовавшись её сигналом, пересел я.

Семейная обстановка в зале была под угрозой.

А на экране — музыканты уже сидели в баре, пили, курили и грубили полицейским, как это принято на диком Западе. Переводчик обнаружил знание армянского языка и врал за троих. В это время ребята из последнего ряда, закончили свою трапезу шоколадкой "Гвардейская" и перешли к культурной программе. Они включили откуда-то взявшийся магнитофон, и мы услышали песню Высоцкого. Володя настырно запел о горах, друзьях и предателях. С фильмом это не вязалось, но наш зритель, выдавший и не такое, молчал. Вот только переводчик не удержался и отчетливо сказал:

— Паразиты!

А на экране нарастали неразбериха и странная история. Музыканты бегали, кричали, показывали друг другу протертые штаны на толстых задницах, целовались и обедали под фортепиано, стреляли. Переводчика это подстегнуло, и он заговорил на языках Средней Азии.

Тут рыжий школьник опять треснул орех, а сотрудница минькиным голосом сказала:

— Мяу!

Исполнительный мужчина в черной шляпе сразу же пересел. И, кажется, снова на старичка, потому что все услышали:

— Да что же это такое, товарищи?! Почему на меня все присаживаются?

Потом он появился у экрана с кошкой на руках и оттуда крикнул:

— Паразиты!

Теперь в зале вновь стала ощущаться семейная и приятная обстановка. Переводчик продолжил свой круис и сменил языки Дальнего Востока на языки Ближнего Востока. Школьник начал ритмичнее трескать орехи. Ребята из последнего ряда, перебивая Высоцкого, запели что-то свое. Мужчина в шляпе в такт со школьником, пересаживался на каждое третье место. Минька перебралась к сотруднице, и они завyli на волчьих. Я стал хлопать в ладоши и петь просто:

— Аааа, ааа, ааа...

Дочка с первого ряда подтопывала мне ногой и пела:

— Ууу, ууу, ууу...

Из центра зала начали помогать нам ритмом и новыми звуками:

— Эээ, эээ, эээ...

— Ююю, ююю, ююю...

— Ссс, ссс, ссс...

Переводчик тоже разошелся и перешел с "ближневосточного" на разговорный русский. Неожиданно, школьник промахнулся и сел на перекладину — раздался душераздирающий крик. Дочка не выдержала накала, вскочила и затанцевала у пульсирующего, как сердце,

экрана. К ней подключилась мать. Я тоже встал и сильнее захлопал в ладоши. Старичок энергично заточил металлом по дереву. "Шляпа" уже просто стучал спинками четных кресел. Люди из центра тоже поднялись со своих мест. И вдруг мы все замерли, как будто нас охватил ужас или одинаковая для всех боль. Мы все на миг замерли. И затем, начиная с шепота, потихоньку запели. Запели что-то странное, о чем-то важном и общем. На одно мгновение я растерялся, но новые голоса подхватили мелодию и влились в наш хор. Я поднял лицо к экрану и запел ровнее и чище. Дальше уже пел во весь голос, во весь дух. А дух и надежда росли, и наш общий голос креп, становился все выше и выше. Казалось, он вот-вот перейдет в ультразвук и покинет нас. На глазах появились слезы, тело натянулось, как струна и дрожало.

И зал уступил нам. Он постепенно исчезал: потолок и стены исчезали. Над нами показалось темно-синее, таящее неизвестность и угрозу, небо. Мы начали раскачиваться и закручивать общий голос по спирали. И вот он уже сжался в сверкающее, как огненное, как солнце, блюдце. И из него занялся луч. Уходя по крутой спирали, луч быстро набирал высоту. Теперь все следили за ним, а он поднимался все выше, исчезая во вселенной... Вдруг, в какойто миг он остановился и задрожал, теряя силы. Это был его предел. И тогда, мы глубоко, как могли и умели, одновременно вздохнули, взялись за руки, и всё, что в нас было, всё, что оставалось, — разом и до конца отдали лучу. И он оторвался от нас. Сверкнул на прощанье искрой и исчез...

Ещё секунду мы стояли, не отрывая взгляда от следа луча. Но постепенно веки наливались розовой тяжестью. Я опустил глаза: ... было лето. Вокруг было очень светло и солнечно. А с нами что-то произошло: рыжий школьник превратился в стройного юношу с бакенбардами и исписанной в стихах тетрадь, которую он стыдливо мямл в руках; дочка была в белом подвенечном платье, а глаза блестели от слез; мать стала молодой девушкой, она была в старой гимнастерке и беззвучно играла на аккордионе, а перед ней на земле лежала солдатская фотография и чемодан с чьими-то вещами; мужчина был в белой шляпе и в белом смокинге, а на плечах у него и вокруг шеи разлеглась золотистая змея;

ганизованно потянулись остальные. Только какой-то мужчина в очках толкался у выхода и всех спрашивал, не видел ли кто его коричневый шарф.

Через минуту— другую зал опустел. Я тоже встал и пошел к выходу.

В конце кинозала кассирша складывала в сетку пустые бутылки из-под "Крымского", "Агдама" и молочную.

— До свидания!

— До свидания! — ответила она и улыбнулась так, как будто знала, что я хотел у нее спросить.

У мостика я оглянулся и увидел, как в желтом пространстве кинозала, на полу кошка Минька старалась достать из белой шляпы огромную лягушку, а у входа утки обступили кассиршу и, толкаясь, лезли к ней на руки за белым хлебом.

С вечера осерчавшие дворники договорились дежурить всю ночь по очереди до утра. Вооружившись метлами, они ходили парами по простуженным улицам ночного города, запугивая осенний ветер.

А на следующее утро молодой парень, лет двадцати, в черной куртке, шел по влажным тротуарам в отдел кадров. И не замечал /или не хотел замечать/ дождя и осенних листьев, которые могли привести его ко вчерашнему кинотеатру...

oooooooo